
ОТ РЕВОЛЮЦИИ XVIII В. К РЕСТАВРАЦИИ

БАБЁФ И ДРУЭ

С.Е. Летчфорд

Среди многих тайн бабувистского «Заговора равных» одной из самых больших остается вопрос об участии в нем члена Совета пяти-сот Жана-Батиста Друэ (1763-1824). В историографии эта проблема отдельно не освещалась, и даже советские исследователи, питавшие повышенный интерес к «движению равных» и флореальским событиям 1796 г., лишь мимоходом упоминали о Друэ, не задаваясь вопросом о его роли в происходившем. Между тем, данный сюжет неразрывно связан с более широкой и до конца пока не решенной проблемой характера сосуществования и взаимодействия двух схожих по духу и близким целям заговорщицких организаций – бабувистской и якобинской.

Современники не сомневались, что Друэ был виднейшей фигурой в рядах заговорщиков. Почти во всех документах того времени его имя стоит прежде имени Бабёфа. Протоколы Вандомского процесса, на котором судили лиц, обвинявшихся во флореальской конспирации, были изданы под заголовком «Прения в Верховном суде в ходе процесса над Друэ, Бабёфом и другими»¹. Таким образом, Друэ значился первым в списке обвиняемых. Разумеется, это объясняется тем, что он был единственным действующим депутатом среди подсудимых, и именно из-за него дело попало в Верховный суд. Однако и в источниках сугубо

Сергей Евгеньевич Летчфорд – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и истории международных отношений Саратовского гос. ун-та им. Н.Г.Чернышевского.

¹ Debats du process instruit par la Haute cour de justice, seante a Vendome, contre Drouet, Baboeuf et autres. Paris, an V [1797]. Т. 1-4.

неофициального характера мы наблюдаем ту же самую картину. Так, в записках о революционном Париже гамбургского врача Ф. Мейера, опубликованных в 1798 г., мы читаем: «Пока невозможно в точности определить, случайно ли отказ австрийцев от перемирия на Рейне совпал с тем временем, когда должна была свершиться эта контрреволюционная авантюра – заговор Друэ и Бабёфа»².

Дело в том, что степень известности этих двух людей была совершенно разной. Если Бабёф, несмотря на все свои старания, так и не сумел за годы революции снискать себе широкую известность, то Друэ во Франции знал каждый. Скромному почтмейстеру из захудалого шампанского городка Сент-Мену сильно повезло. Как раз на его почтовую станцию 21 июня 1791 г. прибыла карета с бежавшим из Парижа Людовиком XVI. Оpozнав короля, благодаря чистой случайности, Друэ не замедлил поднять тревогу, следствием чего стал арест королевского семейства в Варенне. Этот «подвиг» сделал его героем в глазах патриотов. Он удостоился высокой чести лично поведать о нем Национальному собранию и кроме обычной награды в виде протокольной записи, гласившей, что «гражданин Друэ хорошо послужил Родине», получил еще и в 30 000 франков, от которых, впрочем, гордо отказался³.

С тех пор его революционная карьера пошла в гору. Он в 1792 г. был избран в Конвент от своего департамента Марна. Там Друэ вошел в число монтаньяров, голосовал за смертную казнь Людовику XVI без отсрочки и апелляции к народу, выступал против жирондистов, но все время оставался на вторых ролях.

Вновь его имя прогремело в дни сентябрьского народного выступления 1793 г. при довольно специфических обстоятельствах. Горячо поддержав ультрареволюционные требования секций Парижской коммуны, Друэ 5 сентября шокировал даже самых ярых террористов следующим заявлением: «К чему привела ваша умеренность? – обратился он к коллегам. – Не вам ли со всех сторон угрожают злодеи, разбойники, убийцы? Ну что ж! Раз наши добродетели и философические идеи

2 Meyer F.J.L. Fragments sur Paris. Hambourg, 1798. Т. 1. Р. 270. Небезынтересно отметить, что книга Ф. Мейера была переведена на французский язык знаменитым генералом Дюмуре, зарабатывавшим в эмиграции себе на жизнь литературным ремеслом.

3 Друэ повторил в Парижской Коммуне и Якобинском клубе свой рассказ, который позже был напечатан в виде брошюры. – См. Recit fait par m. Drouet, maitre de poste a Ste. Menehould, de maniere dont il a reconnu le roi, et a ete cause de son arrestation a Varennes. Paris, 1791.

оказались бесполезны, станем же и мы разбойниками (brigands) ради счастья народа!»⁴. Такого с трибуны Конвента не говорил никто, включая самого Марата. И спустя столетие, редакторам словаря «Лярусс», людям весьма левых убеждений, пришлось приложить немало усилий, чтобы дать хоть какое-то благовидное объяснение «оговорке» Друэ⁵.

Впрочем, дошедшие до иступления парижские санкюлоты не сочли слова Друэ чрезмерными. По их мнению, именно таким языком и должен был говорить герой Варенна. Его популярность лишь выросла, но коллеги по Конвенту поспешили избавиться от несдержанного на язык оратора, срочно отправив его в миссию. Друэ послали в Северную армию, все еще дезорганизованную изменой Дюмуре и беспорядочно отступавшую под натиском австрийцев. Вместе с частью войск он оказался в осажденном Мобёже, где, вспомнив молодость⁶, принял непосредственное участие в боях. Когда положение стало критическим, он попробовал вырваться из города во главе небольшого кавалерийского отряда, но был взят в плен.

Поскольку Друэ, сыграв в 1791 г. роковую роль в судьбе не только короля, но и Марии-Антуанетты, оказался своего рода личным врагом австрийского царствующего дома, в плену с ним обращались очень жестоко: осыпали оскорблениями, морили голодом и даже посадили в железную клетку, как дикого зверя. Вскоре его перевезли в крепость Шпильберг в Моравии, где австрийские власти содержали самых важных политических преступников⁷. Но Друэ не падал духом. В 1794 г. он совершил безумно дерзкую попытку побега. Соорудив из подручных средств «нечто вроде парашюта» и выломав решетку, он выпрыгнул из окна своей камеры, расположенного высоко над землей. Однако его попытка закончилась неудачно: он сломал ногу, был схвачен и водворен обратно в камеру.

Лишь в конце 1795 г. для пленника забрезжила надежда на освобождение. Правительство Директории вступило в контакт с Веной по поводу обмена все еще томившейся в башне Тамплъ дочери Людовика XVI принцессы Марии-Терезии-Шарлотты на нескольких депутатов

4 Moniteur. 1793. № 251.

5 Grand Dictionnaire universel du XIX siecle / Ed. P. Larousse. Paris, s.a. T. 6. P. 1297.

6 Прежде, чем стать почтмейстером в Сент-Менеу Друэ 7 лет прослужил в драгунском полку.

7 Эта тюрьма получила мрачную известность в XIX в., благодаря воспоминаниям итальянского революционера Сильвио Пеллико. См. Пеллико С. Мои темницы. М., 1995.

Конвента, в разное время попавших в руки австрийцев. Помимо Друэ, это были члены комиссии, направленной наблюдать за поведением генерала Дюмуре, который выдал их врагу – Камю, Ламарк, генерал Бернонвиль и другие. Переговоры увенчались успехом и в декабре 1795 г. вчерашние пленники возвратились на родину в ореоле славы⁸.

Подобно своим товарищам по несчастью, Друэ был кооптирован в состав Законодательного корпуса, заняв место в Совете пятисот. Тем не менее, он пребывал в мрачном настроении. За то время, пока он сидел в Шпильберге, положение во Франции коренным образом изменилось. Друэ жаловался, что не узнает родину, где правят бал нувориши и эгоисты, а народ, когда-то столь воодушевленный идеалами революции, пассивно сносит гнет и унижение. Друэ трудно было разобраться в подводных течениях, определявших расстановку сил в правящих кругах. Он редко посещал заседания Совета пятисот, по большей части молчал и собирался взять длительный отпуск, чтобы ехать на воды для поправки расстроенного здоровья⁹.

Как раз в это время состоялось его знакомство с Бабёфом. Мы не знаем, было ли оно личным или через третьих лиц, но не подлежит сомнению, что к моменту образования подпольной организации «равных» Бабёф и Друэ уже поддерживали связь. Это видно из письма Бабёфа от 17 жерминаля IV г. (6 апреля 1796 г.). «Я обещал писать тебе во время твоего отпуска, – обращается он к Друэ. – Но, будучи очень занят и не видя большой пользы в этой переписке, я не сдержал своего обещания. Теперь, когда ты опять на своем посту, полагаю сношения между нами более необходимыми. Скажи гражданину, подателю сего послания, когда ты хочешь со мной встретиться: кто-нибудь зайдет за тобою в условленный час и приведет тебя туда, где я буду»¹⁰.

Из приведенного отрывка видно, что после установления первого контакта с Друэ у Бабёфа возникли какие-то сомнения на его счет. В результате, Трибун народа прервал с ним переписку как «бесполезную». Однако некоторое время спустя Бабёф переменил мнение. Теперь он

8 Сорель А. Европа и французская революция. СПб, 1892. Т. 4. С. 318-319.

9 Позднее Друэ утверждал, что даже думал подать в отставку: «Не имея возможности противиться попятному движению революции, я решил, что мне лучше подать в отставку и вернуться в безвестность, из которой я вышел в 1791 г., чем лично наблюдать за упадком общественной свободы». – См. Drouet, représentant du peuple, au corps législatif. [Paris, 1796]. P. 7.

10 Бабёф Г. Сочинения. М., 1982. Т. 4. С. 240.

был настолько заинтересован в Друэ, что, рискуя выдать свое местонахождение полиции¹¹, предлагал ему личную встречу на одной из конспиративных квартир.

Зачем Друэ понадобился руководителю «Заговора равных», становится ясно из дальнейшего содержания письма. Со свойственным ему невероятным самомнением Бабёф пишет: «Мне сообщают, что ты приготовил речь для выступления в большой дискуссии о Народных обществах... Твоя речь не имеет никакого значения, она недостойна тебя, если она не отражает тех чувств, которые, по-моему, ты должен испытывать и которые я постарался выразить на страницах 241-242 в 40-м номере “Трибуна народа”. Тебе следует пересмотреть эти две страницы и перенести их суть в твой проект резолюции о патриотических обществах: они, несомненно, произведут большое впечатление, а все, что ты напишешь вместо этого, не произведет никакого». Таким образом, Бабёф попросту хотел сделать Друэ своим рупором в Совете пятисот, поручая ему цитировать с парламентской трибуны избранные места из выпускавшейся им, Бабёфом, газеты. Дебютом Друэ в этой незавидной роли должна была стать дискуссия о народных обществах, не утихавшая с момента запрета общества Пантеон.

Еще 9 вантоза (28 февраля 1796 г.) Исполнительная Директория «в целях сохранения общественного спокойствия» распорядилась закрыть театр Фейдо и ряд парижских клубов, среди которых наиболее известным был Пантеон¹². Несмотря на подчеркнутое беспристрастие, – клуб Пантеон стоял на крайне левых позициях, а театр Фейдо был излюбленным местом встреч роялистов, – решение правительства вызвало резкую критику. В законодательных Советах был поднят вопрос о критериях, позволяющих исполнительной власти распускать те или иные народные общества. Со своей стороны, Директория также настаивала на принятии соответствующих нормативных актов.

Не довольствуясь указанием ориентироваться на указанные страницы «Трибуна народа», Бабёф снабдил Друэ полным текстом речи, чтобы тот зачитал ее в Совете пятисот. Однако герою Варенна, очевидно, пришлось не по вкусу менторский тон его нового знакомого, и он нашел себе иных друзей. Подготовленная Бабёфом речь осталась невос-

11 С декабря 1795 г. Бабёф находился на нелегальном положении, скрываясь от ареста.

12 Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire / Par A. Aulard. P., 1899. T. 3. P. 14.

требуемой, следствием чего стало его возмущенное письмо к Друэ от 1 флореаля (20 апреля 1796 г.): «Ввиду того, гражданин, что вы ничего не делаете с моею речью; ввиду того, что вам угодно заменить истины и реальные вещи пустяками и болтовней; ввиду того, что вы *осторожны* (курсив Бабёфа – С.Л.); ввиду того, что вы всего только сенатор, такой же, как другие; ввиду того, что вы позволяете, чтобы вами руководили фразеры и пустобрехи и т. д., и т.д. – я прошу вас передать подателю сего доверенную мною вам рукопись»¹³.

Эти оскорбления, в том числе подчеркнутое обращение на «вы», как к «аристократу», после интимно-республиканского «ты» в предыдущем письме, означали полный разрыв. Вероятно, тогда же имя Друэ было исключено из «Списка демократов, предназначенных быть добавленными к Национальному Конвенту». Известно, насколько серьезно Бабёф и его соратники подходили к составлению этого списка, два варианта которого были захвачены полицией среди бумаг заговорщиков¹⁴. Эксперты-графологи определили, что первый вариант, написанный рукой Ф. Буонарроти с многочисленными вставками Бабёфа и других лиц (то есть явно черновик), включал в себя и Друэ, который должен был стать депутатом от департамента Марна. Но затем его имя было «вымарано и почти не читается»¹⁵. Во втором варианте (копии переписчика Пийе) департамент Марна остался без представителя¹⁶.

Но уже через две недели Бабёф и Друэ вновь оказываются тесно связанными единомышленниками. Предатель Ж. Гризель в своем доносе Карно категорически утверждал: «Друэ каждый день встречается с Бабёфом... Он должен произнести в Совете речь, которую ему приготовил Бабёф»¹⁷. Что же произошло?

В сердитом письме Бабёфа привлекают внимание слова о «фразерах» и «пустобрехах», которые якобы руководят поступками Друэ. Оче-

13 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 255.

14 Выдвиженцы «равных» должны были дополнить во вновь собранном после победы восстания Конвенте группу из 68 бывших монтаньяров, репрессированных термидорианцами и находившихся в оппозиции к режиму Директории. От этого зависели характер и мероприятия будущей власти. Подробнее см.: Летчфорд С.Е. Проект бабувистского парламента // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 83-88.

15 Copie des pieces saisies dans le local, que Baboeuf occupoit lors de son arrestation. Paris, an V. T. 1. P. 71.

16 Ibid. P. 78.

17 Цит. по: Далин В.М. Бабёф в 1795-1797 гг. Факты и идеи // Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 16.

видно, речь идет о членах монтаньярского комитета, оспаривавшего у бабувистов руководство оппозиционным движением. Этот комитет, а точнее говоря, довольно аморфная группа начал проявлять активность с осени 1795 г. Уже 7 фримера IV года (28 ноября 1795 г.) реакционная *Gazette française* забила тревогу из-за существования в Париже клубов, где ведущая роль принадлежала «террористам» Амару, Бареру, Вадье, Леонару Бурдону и др.¹⁸ Также и Буонарроти рассказывает, что зимой 1795-1796 гг. на квартире Амара происходили совещания, в которых участвовали и сторонники Бабёфа: Буонарроти, Жермен, Дарте, Дебон и пр.¹⁹ Однако попытки создать единый фронт левой оппозиции потерпели крах. Главной причиной тому были не столько идеологические расхождения или разное отношение к памяти Робеспьера, сколько банальное властолюбие. Бабувисты рассорились с монтаньярами, когда речь зашла о том, кому будет принадлежать власть после свержения режима термидорианцев²⁰.

Вплоть до начала флореаля Бабёф и слышать не хотел о монтаньярах. В инструкции своим окружным агентам 26 жерминаля IV года (15 апреля 1796 г.) он писал: «Речь идет о том, чтобы воспрепятствовать усилиям другого повстанческого комитета, который задумано создать наряду с нашим, но который не может, просто не в состоянии совершить что-либо хорошее... В этот комитет собираются включить таких людей, как Амар, Вадье, Лэнцело, Жавог, Шудье, Рикор и другие... Эти люди испили из чаши власти; не все они и не всегда проявляли себя безупречными демократами. Нужны новые люди»²¹. Вполне разделявший эту точку зрения верный оруженосец Бабёфа Ш. Жермен назвал в письме от 9 флореаля (28 апреля 1796 г.) планы объединения двух повстанческих комитетов «дьявольскими»²².

Друэ, напротив, быстро сблизился с бывшими членами Конвента, многих из которых он хорошо знал еще в свою бытность депутатом. По менталитету и темпераменту они были ему гораздо ближе, чем Бабёф с его невыносимо вздорным характером и фантастическими (с точки зрения Друэ) проектами общественного переустройства. В отличие от Ба-

18 Paris pendant la reaction. Т. 2. Р. 439.

19 Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963. Т. 1. С. 158-159.

20 Там же. С. 173-174.

21 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 273.

22 Copie des pieces saisies. Т. 1. Р. 38.

бёфа, бывшие депутаты Горы не поучали его как мальчишку, а прочили в свои лидеры. Во всяком случае, его дом стал штабом монтаньяров²³.

Не исключено, что Друэ совершил еще более непростительный в глазах Бабёфа поступок: связался с Баррасом. В опубликованном после своего ареста обращении к членам Законодательного корпуса Друэ упоминает о том, что вел переписку с одним из директоров Французской Республики²⁴. В свете последующих событий можно с большой долей вероятности предположить, что им был Баррас. Бабёф же, напротив, неоднократно призывал левых не доверять демагогии Барраса и не иметь с ним ничего общего. Известно, что 30 жерминаля (19 апреля 1796 г.) Баррас пригласил к себе Шарля Жермена и долго убеждал его в своей лояльности по отношению к левым силам. Возможно, что при этом он назвал какие-то имена, в том числе Друэ²⁵, которому уже на следующий день Бабёф и направил вышеупомянутое гневное послание.

Однако в рядах «равных» сторонники единства действий левых сил явно преобладали над изоляционистами. К тому же, когда вопрос о вооруженном восстании перешел в практическую плоскость, выяснилось, что многие популярные народные вожаки, на которых рассчитывала Тайная Директория Бабёфа – первый «генерал-санкюлот» Росси-ньоль, бывшие французские гвардейцы и герои штурма Бастилии Эли, Ганье и др., уже завербованы монтаньярами. В этих условиях позиция Бабёфа постепенно начала меняться. Узнав 7 флореаля (26 апреля 1796 г.) о готовящейся высылке из Парижа группы якобинцев, в том числе семи бывших членов Конвента – Амара, Вадье, Шудье, Шаля, Фэйю, Юге и Вуллана, он призвал окружных агентов убедить подвергшихся проскрипции лиц не покидать столицу, а скрыться в подполье. Правда, этот призыв сопровождался оговоркой: «Вы понимаете, что это предложение продиктовано одним только политическим соображением – не

23 *Буонарроти Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 253, 266. Когда между бабувистами и монтаньярами было достигнуто соглашение о сотрудничестве, обе группы собрались на квартире Друэ для согласования последних деталей восстания.

24 Drouet, representant du peuple, au corps legislatif. P. 6: «Я долго хранил веру в Директорию. Это видно из множества моих писем к одному из ее членов. В них я имел удовольствие указывать ему на все факты нарушения закона и неоднократно получал за это благодарность».

25 Сообщая Бабёфу об этой встрече, Жермен говорил о каких-то «ценных сведениях», которые он получил от Барраса. Он обещал ознакомить с ними Бабёфа при личной встрече. – *Copie des pieces saisis*. Т. 1. P. 208-211.

допустить ничего, что могло бы обескуражить массу патриотов... Не придавайте им (бывшим депутатам – С.Л.) никакого особенного значения и не внушайте ни им, ни кому бы то ни было, что если ими интересуются, то потому, что в них нуждаются... Мы в них не нуждаемся»²⁶.

Полная беспомощность военного крыла бабувистской организации, проявленная в ходе мятежа Полицейского легиона 9 флореаля (28 апреля 1796 г.)²⁷, окончательно убедила Бабёфа в том, что с монтаньярами придется объединяться. Поэтому он не возражал против намерения Дарте вновь свести его с Друэ, а через последнего и с другими членами монтаньярского комитета.

В то время как прочие члены Тайной Директории (Антонелль, Лепелетье, Марешаль, Дебон) один за другим уходили в тень, активный Дарте²⁸ развил бурную деятельность. Он не только вовлек в организацию будущего предателя Гризеля и добился его назначения военным агентом, не только в нарушение всех правил конспирации притащил его (вместе с Россиньолем, Фионом и Массаром) на заседание Тайной Директории 11 флореаля, но и успел скомпрометировать Друэ заявлением, что тот «каждый день встречается с Бабёфом»²⁹. В действительности, «каждый день» с Друэ встречался не Бабёф, а сам Дарте.

У нас нет оснований не доверять Друэ, принимавшему Дарте за своего земляка и писавшему Исполнительной Директории в связи с полицейским налетом на свою квартиру 19 флореаля: «Я мирно ужинал с одним моим земляком и, конечно, пришел бы в ужас, если бы мне был ведом страх... Теперь мне говорят, что этот человек из Па-де-Кале. Но я считал его земляком, потому что часто видел его с Армонвилем, Деспанем и другими уроженцами Реймса и потому что он в совершенстве знает тамошние края и даже закупал там зерно для правительства»³⁰. Итак, давно поддерживавший тесную дружбу с Друэ, Дарте вместе с Рикором стал главным посредником в переговорах между бабувистами и монтаньярами, которые закончились 18 флореаля (7 мая 1796 г.) со-

26 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 282-283.

27 См. Летчфорд С.Е. Мятеж Полицейского легиона в Париже 28 апреля 1796 г. и бабувисты / Рукопись деп. в ИНИОН № 47627 от 28.01.93.

28 Напомним, что он будет единственным казненным в Вандоме вместе с Бабёфом

29 В своем доносе Гризель прямо ссылаясь на слова Дарте.

30 Lettre du representant du peuple Drouet, ecrite au Directoire Executif la veille de son arrestation. [Paris, 1796]. P. 2-3.

глашением о совместных действиях³¹.

Бабёфу пришлось смириться с мыслью, что руководство движением, по крайней мере формальное, будет принадлежать герою Варенна. На другой день Трибун народа покинул свое убежище и с немалым риском отправился на квартиру Друэ, где должно было состояться первое совместное собрание двух повстанческих комитетов. Эта экспедиция едва не закончилась для него фатально: через 15 минут после того, как заговорщики разошлись (Дарте остался с хозяином), дом Друэ был окружен полицией.

Утром 20 флореаля (9 мая 1796 г.) Друэ написал письмо президенту Исполнительной Директории Лазару Карно, протестуя против учиненного над ним насилия. Тогда же переданное издателю *Journal des hommes libres* Ватару, оно было напечатано уже после массовых арестов заговорщиков. В нем Друэ так изображал события 19 флореаля:

«Вчера примерно в 11 часов вечера около пятидесяти³² вооруженных людей вошли ко мне в дом колонной с примкнутыми штыками, заполнили мою комнату, погасили свет (?) и окружили меня со всех сторон. В этом тягостном положении я оставался почти час, без того, чтобы их командир как-то объяснил мне причину этого довольно бесцеремонного визита. Затем они удалились, так и не предъявив мне никакого ордера, и я не услышал ничего, кроме слов кого-то из них, сказанных, когда я отворял дверь: “Если будут сопротивляться, коли штыком”»³³.

Далее выясняется одна интересная деталь: наряду с Друэ обыску подверглось жилище и другого члена Совета пятисот – Бери (Beraud), не имевшего никакого отношения к заговору, но проживавшего в том же доме³⁴. Очевидно заговорщики рассчитывали, что полиция не решится нарушить неприкосновенность жилища депутатов. В противном же случае, можно было апеллировать к Законодательному корпусу, что Друэ тут же и сделал:

«Я не первый раз замечаю, что хотят унижить национальное представительство, дабы потом уничтожить его, что агенты правительства

31 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 290.

32 В оригинале значится совершенно фантастическая цифра 500, но это, вероятно, опечатка.

33 *Lettre du representant du peuple Drouet*. P. 1-2.

34 «Гражданин Бери, мой коллега, который проживает со мной в одном доме, испытал такое же обращение». – Ibid. P. 6.

не упускают ни единой возможности оскорбить депутатов Законодательного корпуса. Друэям свободы больно видеть, что чиновники республики действуют в этом заодно с врагами родины»³⁵.

Взывая к корпоративной солидарности депутатов, Друэ считал нужным попросить Карно о личной встрече³⁶. Несомненно, он хотел убедить президента Директории, что никакого заговора не существует, а все слухи о нем ложь и провокация. Однако это свидание не состоялось, потому что 21 флореаля (10 мая 1796 г.) шесть виднейших членов объединенного повстанческого комитета во главе с Друэ были арестованы на квартире столяра Дюфура по адресу улица Папийон, 331. Одновременно в доме № 21 по улице Гранд-Трюандери были взяты Бабёф, Буонарроти и Пийе.

Этот провал, вызванный предательством Гризеля, еще мог закончиться для горе-конспираторов более или менее благополучно, если бы не поистине безумное поведение Бабёфа. Во-первых, вместо того, чтобы уничтожить все секретные бумаги, он с пунктуальностью архивариуса хранил их на своей конспиративной квартире и даже нанял переписчика Пийе, дабы снимать с них копии. В результате, полиция в изобилии получила вещественные доказательства для обвинения, а Пийе на первых же допросах дал признательные показания. Во-вторых, вскоре после ареста «трибун народа» обратился к Исполнительной Директории с письмом, в котором признавал наличие заговора, хвастался своей силой и предлагал правительству вступить с ним в переговоры «как с равной стороной»³⁷.

Некоторые советские и левые французские историки объясняли столь нелепый поступок Бабёфа состоянием крайнего возбуждения, в которое его поверг арест. Но письмо это от 23 флореаля, то есть с момента ареста прошло уже два дня – достаточно время, чтобы успокоиться и с холодной головой обдумать свое дальнейшее поведение. На деле же, двухдневные размышления Бабёфа привели лишь к тому, что его письмо оказалось не только пагубным, но и бессмысленным. Он предлагал Директории не придавать огласке раскрытие заговора, тогда как о нем уже знали и Советы, и все население Парижа³⁸.

35 Ibid. P. 3-4.

36 Ibid. P. 7.

37 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 294-296.

38 Сообщение советам было сделано уже 21 флореаля. Обращение Исполнительной Директории

Тактика Друэ являла разительный контраст. Изолированный от сообщников в тюрьме Аббатства и еще не зная, в какое тяжелое положение его поставила выходка Бабёфа, Друэ повел себя очень разумно. 25 флореаля (14 мая 1796 г.) он написал письмо депутатам Законодательного корпуса, категорически отрицая участие в каких бы то ни было нелегальных действиях и объясняя свою политическую позицию. По словам Друэ, собрание у Дюфура имело целью всего лишь обсуждение инцидента 19 флореаля и его письма Карно: «Следовало ли мне обратиться с формальной жалобой к Законодательному корпусу? Такой вопрос я задавал гражданам Лэньело и Рикору, с которыми был знаком и поддерживал дружеские отношения еще до моего плена в Австрии»³⁹.

Кроме Лэньело и Рикора, Друэ называл среди участников собрания еще Дарте, но заявлял, что два других присутствовавших гражданина ему неизвестны. Этими двумя, якобы неизвестными Друэ гражданами были активные бабувисты Жермен и Дидье. Справедливо полагая, что полиция, скорее всего, осведомлена об их роли в заговоре (Жермен был правой рукой Бабёфа и самым деятельным военным агентом, а Дидье главным агентом связи), Друэ сразу постарался отмежеваться от них.

В этом-то и заключалась избранная им тактика: признавать очевидное, отвергая все недостаточно ясное или трудно доказуемое, в первую очередь, сам факт антиправительственного заговора. «Я заговорщик! Да, конечно, я строил заговоры, но против врагов республики, открыто и с оружием в руках. Я не прятался ни в Варенне, ни в Мобёже», — наигранно возмущался Друэ⁴⁰.

Он признавал, что Конституция 1795 г. ему никогда не нравилась, и он критиковал ее еще во Фрайбурге по возвращении из австрийского плена. Свидетелями тому были его товарищи Ламарк, Кинетт и генерал Бернонвиль. Но почему он был недоволен конституцией? Потому что ее положения слишком напоминали государственное устройство враждебных Франции держав: «Вот верхняя палата, вот нижняя палата; не хватает только короля, но есть надежда, что Англия скоро нам его даст по своему вкусу»⁴¹. Он признавал, что со временем разочаровался в Ди-

к населению Парижа, тоже помеченное 21 флореаля, было обнародовано утром 22 флореаля. — *Moniteur. An IV. № 237.*

39 Drouet, représentant du peuple, au corps législatif. P. 2.

40 Ibid. P. 8.

41 Ibid. P. 5.

ректории, и это видно из его речей и писем. Но почему он разочаровался в правительстве? Потому что «заметил его склонность к монархии или, по меньшей мере, к аристократии».

Но, прежде всего, следовало как-то объяснить существование тайного общества с явно милитаристским уклоном, по возможности придав ему самый безобидный характер. И здесь Друэ проявил настоящие чудеса изворотливости. Начал он издавека, заявив, что в результате долгих размышлений ему удалось открыть закон, определяющий динамику всех революций. Согласно этому закону, в разгар революции все «эгоисты, думающие только о наслаждениях, богачи, думающие лишь о своих богатствах, трусы, озабоченные только собственной безопасностью» скрываются в тени, предоставляя возможность действовать лишь сильным духом патриотам. Но когда революция приближается к концу, эти люди стремятся выйти из ничтожества, на которое сами себя обрекли, и оттеснить энергичных революционеров от руля управления. Так как они всегда составляют большинство среди просвещенных слоев общества, а патриоты утомлены трудной борьбой и понесли в ней большие потери, «трусы и эгоисты», в конечном счете, всегда торжествуют. История Французской революции подтверждает это правило. Таким образом, реакция – вполне закономерное и неизбежное явление. Противостоять ей невозможно.

И здесь Друэ переходит к главному:

«Однако патриоты еще существуют и в немалом количестве. Воспоминания об их былой славе; стыд от того, что их отодвинули на второй план те, кто прятался во время революции; бедствия, которые они испытывают, и нищета, которая их удручает, вызывают у них негодование и жажду мщения. Любые насильственные меры правительства способны лишь на время отсрочить взрыв. Напрасно запрещают собрания граждан, напрасно подкупают самых знаменитых журналистов, все это не может уничтожить чувство, которое объединяет патриотов в разных концах республики. Всю свою жизнь они будут думать, как вернуть себе потерянное влияние, и вместо одного, павшего жертвой своего рвения, явится тысяча других.

Уже давно я понял это и предвижу, что потоки крови будут литься еще 30-40 лет, пока не вымрет поколение революции. Эта мысль привела меня в ужас. Я стал думать о средствах избавить мою родину от такого бедствия. Мне пришли на ум только два, из которых одно сегодня кажется неосуществимым. Оно заключается в том,

чтобы правительство объединило вокруг себя всех патриотов, не обращая внимания на вопли аристократов и роялистов. Этих людей не так уж много, они не обладают особой энергией и всегда готовы, хотя и с ропотом, повиноваться законам, принятым большинством, когда за них возьмутся всерьез.

Второе средство, вероятно, покажется всем химерой. Что до меня, то я считаю его единственным способом избавить патриотов от унижения склонить голову под ярмо своих врагов или от жестокой необходимости запачкать руки кровью сограждан, чтобы избегнуть их тирании. Ибо, несмотря на все разногласия, сограждане – это все-таки братья, дети одной матери-родины. Поэтому каждый добрый гражданин должен щадить французскую кровь. Такие чувства воодушевляли меня, когда я составлял следующий план:

Когда аристократия окончательно восторжествует во Франции, и истинным патриотам, совершившим революцию, не на что будет больше надеяться, нужно, чтобы они поднялись всей массой, взяли с собой жен и детей, движимое имущество, продовольствие, инструменты, оружие и устремились к границам республики. Пусть они покинут отвергшую их родину и опустошительным потоком хлынут в плодородные края, принадлежащие ее врагам.

Там они утвердятся как завоеватели и законодатели и установят культ демократической троицы – культ равенства, свободы и братства. Нужно, чтобы они несли перед собой этот священный палладиум народного суверенитета, чтобы с этим священным кодексом разума в одной руке и грозным мечом в другой они заставили побежденных склониться перед божеством победителей.

Пусть, покидая страну, они отряхнут ее прах со своих ног, чтобы никогда уже больше туда не возвращаться. Пусть они полностью забудут о тех оковах, на которые обрекло их владычество франков. Пусть само имя французов будет вычеркнуто из словаря священной колонны, и переселенцы вновь примут имя наших предков.

Итак, я хотел, чтобы потомки гордых галлов, некогда заставивших трепетать Римскую республику, двинулись толпой отомстить за суверенный народ, оскорбленный убийством своего посла⁴², и восстановить культ свободы в Капитолии на обломках трона, воздвигнутого суеверием⁴³.

То есть «план Друэ» предусматривал ни много, ни мало поход

42 Намек на убийство в 1793 г. французского посла в Риме Бассвиля.

43 Drouet, *representant du peuple, au corps legislatif*. P. 11-13.

«новых галлов» на Рим для свержения власти Папы и образования там демократической республики! По мнению его автора, это предприятие выгодно всем и примиряет всех французов. Патриоты сохраняют свою свободу и приобретают новую славу. Сторонники аристократии избавляются от беспокойных элементов внутри страны. Однако для осуществления подобной экспедиции нужна соответствующая организация и военные вожди. Кто должен был подать сигнал к выступлению и повести «священную колонну»? Да та самая организация Друэ-Бабёфа, которую ныне обвиняют в подготовке ужасного заговора!

Объяснения Друэ были поистине универсальным способом защиты. Вот, например, полиция находит у Бабёфа документ под названием «Список людей, способных командовать»⁴⁴. Вы думаете, что это руководители будущего восстания? Ничего подобного; это предводители, которые поведут новоиспеченных «галлов» на Вечный город. Канониры, которых Бабёф столь же тщательно брал на заметку, готовятся громить из пушек совсем не Люксембургский дворец, а Ватикан. Друэ не забыл даже растолковать в нужном ключе термин «Плебейская Вандея», несколько раз употребленный «Трибуном народа»⁴⁵.

Разумеется, все это было шито белыми нитками, но Друэ не особенно заботился о правдоподобию своих объяснений. Общаясь с Баррасом, Карно, своими коллегами-депутатами, он понял, что правящая элита расколота на враждебные фракции. В такой обстановке весьма влиятельные силы заинтересованы в том, чтобы замять дело о флоренсальском заговоре, и готовы удовлетвориться самыми фантастическими версиями событий. Есть надежда, что маятник «политики качелей» скоро снова качнется влево. Значит, любой ценой нужно выиграть время, всячески запутывая следствие и максимально пользуясь всеми правами обвиняемых⁴⁶.

44 Copie des pieces saisies. T. I. P. 5-13.

45 Правда, Друэ привел его не совсем точно: не «Плебейская», а «Республиканская Вандея»: «Этот план не является новым. Он созрел в душе всех угнетенных патриотов, которых я встречал в разных департаментах. Они ожидают рокового момента, когда, больше не чувствуя себя в безопасности на родине, они будут вынуждены создать то, что они называют Республиканской Вандеей». — Drouet, representant du peuple, au corps legislatif. P. 14.

46 В дни Вандомского процесса Друэ из своего «склепа» (un caveau) подбадривал подсудимых: «О, мои товарищи! Будьте твердыми и храбрыми. Используйте все возможности, чтобы дожидаться того желанного дня, когда французский народ в соответствие с конституцией выразит свое мнение.

Таким образом, Друэ впервые наметил линию защиты, которой затем лишь в несколько исправленном виде⁴⁷ придерживались все подсудимые на Вандомском процессе, в том числе и Бабёф. В своей огромной, растянувшейся на четыре дня (!) защитительной речи он изображал тайную повстанческую организацию неким «филантропическим обществом» патриотов, болеющих за судьбу республики, которой угрожают роялисты⁴⁸. Теперь Бабёф, не моргнув глазом, отрицал очевидные факты, изворачивался и лгал на каждом шагу. Но такое поведение, которое еще недавно он считал бы верхом унижения, дало блестящие результаты: несмотря на бесчисленные улики, *все* обвиняемые были оправданы по пункту о заговоре. То есть Верховный суд официально признал, что никакого заговора не существовало! 58 из 65 подсудимых (в том числе, таких важных как Рикор, Лэнъело, Дидье, Фион, Массар) вообще отпустили с миром и лишь 7-х признали виновными в подстрекательстве к восстановлению конституции 1793 г. Причем для 5 были найдены смягчающие обстоятельства, что повлекло за собой не смертную казнь, а лишь ссылку. Только Бабёф и Дарте, признанные виновными по тому же пункту без смягчающих обстоятельств, заплатились головой⁴⁹. Более мягкий приговор по такому делу трудно себе представить, хотя Бабёфу от этого, конечно, легче не стало.

Однако человека, показавшего заговорщикам путь к спасению, так и не увидели на скамье подсудимых. 30 термидора IV года (17 августа 1796 г.) Друэ, уже лишенный законодательными советами депутатской неприкосновенности⁵⁰, вдруг исчез из тюрьмы Аббатства. Вскоре стали известны потрясающие подробности побега. Узник выбрался из своей камеры через трубу камина, а покинуть тюрьму ему помог надзиратель по фамилии Торен, как оказалось, пылкий патриот и восторженный поклонник Друэ. Пошли разговоры, что здесь не обошлось без вмеша-

А для этого прибегайте к любым уловкам и цепляйтесь за юридические формальности (*faites naître encore des incidents et multipliez les formes*). – *Lettre du représentant du peuple Drouet a ses collègues et au peuple français*. Paris, an V. P. 7.

47 Была отброшена как слишком экзотическая версия подготовки римской экспедиции.

48 Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 322-537.

49 Далин В.М. Вандомский процесс //ФЕ 1978. М., 1980. С. 187-198.

50 Это произошло не без борьбы. В Совете 500 на 320 голосов «за» пришлось 72 голоса «против». Еще более сильное сопротивление было оказано в Совете старейшин: 141 голос «за», 58 «против». – *Moniteur. An IV. №№ 277, 296*.

тельства Барраса⁵¹. В очередной раз Друэ стал главным героем слухов и домыслов. Уверяли, что во время «атаки» на Гренельский военный лагерь в ночь с 23 на 24 фрюктидора IV года (9-10 сентября 1796 г.) он возглавлял «нападавших» и спасся в последовавшей резне, благодаря помощи какой-то торговли-молочницы, спрятавшей его в своей повозке под слоем соломы. В действительности, Друэ вовсе не собирался давать своим врагам новый повод к преследованиям. Спустя некоторое время, он перебрался в Швейцарию.

Своим бегством он оказал вандомским узникам еще одну услугу: отпал формальный предлог для рассмотрения их дела в Верховном суде, приговоры которого не подлежали обжалованию. Бабёф и другие немедленно воспользовались этим, потребовав, чтобы их судил обычный суд. И хотя их демарш не имел успеха, он надолго задержал начало процесса. Нет никакого сомнения в том, что если бы подсудимым удалось добиться удовлетворения своего требования и дотянуть до переворота 18 фрюктидора V года, они были бы спасены.

На этом, собственно, заканчивается история взаимоотношений Бабёфа и Друэ, но не заканчивается бурная жизнь легендарного экспочтмейстера. Из Швейцарии он отправился в Вест-Индию, но из-за болезни задержался на острове Тенерифе. Там он участвовал в отражении нападения английской эскадры, а вскоре узнал об очередном перевороте у себя на родине.

Вернувшись во Францию, Друэ был назначен обновленной Директорией комиссаром в своем родном департаменте Марна. После переворота 18 брюмера он проделал эволюцию, общую для многих бывших якобинцев, и стал ярым приверженцем Наполеона. Однако император, очевидно, не слишком симпатизировал Друэ, так как почти до самого конца своего правления держал его на мелкой должности супрефекта в Сент- Мену. Тем не менее, Друэ был вполне доволен, хранил непоколебимую верность Бонапарту и в 1814 г. храбро сражался против вторгшихся союзников во главе национальной гвардии своего округа. Есть сведения, что он за это получил награду из рук самого императора.

51 В своих мемуарах Баррас отрицает, что лично устроил побег Друэ, но признается, что ему очень хотелось поскорее предать забвению флореальский заговор, ибо он служил роялистам поводом для нападков на республику. Узнав о бегстве Друэ, он «поздравил себя» с наилучшим исходом дела, а затем убедил Директорию не слишком усердствовать в розысках беглеца. — *Barras P. Memoires. P., 1895. Т. 2. P. 158-166, 178, 244.*

В период Ста дней Друэ снова стал депутатом, но затем для него наступили черные времена. Он ведь был, если можно так выразиться, дважды «цареубийцей». Попади он в руки роялистов, участь его была бы решена. Поэтому ему опять пришлось бежать в Швейцарию.

Однако в изгнании его мучила ностальгия, и Друэ отважился на последний в своей жизни отчаянный шаг. Распустив слух о своей смерти, он тайно приехал во Францию и поселился в городе Макон (департамент Сона и Луара). Здесь под вымышленной фамилией «Мейер» он провел последние годы жизни, работая садовником. Только после его кончины, когда были разобраны его бумаги, выяснилось, что скромный садовник с немецкой фамилией был ни кем иным, как знаменитым якобинцем, некогда погубившим Людовика XVI.